

Секина

Рисунки Л. Фалина

Все это кажется ему каким-то мучительным сном, страшным кошмаром. Нелегко поверить, что все, что произошло, было на самом деле и что он возвращается домой один, оставив жену покоиться там, откуда никому нет возврата.

В глубине души он уверен, что найдет ее дома. Громко раздастся ее голос, спрашивающий сердито-любовно, почему он задержался, и принес ли ей то, что она просила, или опять забыл, как обычно. Потом она станет рассказывать сказки Набилю, поведет мужа к кровати малыша, и, склонившись над ней, они оба будут любоваться сыном.

Он словно оцепенел. Не плакал, не кричал. Его ум отвергал самую мысль о ее смерти. Он все ждал, что вот-вот проснется и увидит жену рядом с собой, расскажет ей этот зловещий сон. Хотя нет... Он ничего не станет рассказывать ей. Как он может допустить, чтобы ее коснулась печаль или огорчение! Ни к чему ей знать об этом страшном кошмаре...

Двери отворила служанка Секина, в трауре, с поникшей головой, с покрасневшими щеками. Она стояла молча, не проронив ни звука. С его языка готов был сорваться вопрос: «Где твоя госпожа?» Но нелепые слова так и застыли на губах.

Ноги сами собой повели его туда, куда вели обычно — к кровати Набиля. При слабом свете ночника, стоя в молчании, он разглядывал ребенка. Вдруг среди этой гнетущей тишины и тягостного безмолвия разда-

лись чьи-то прерывистые рыдания, сдвоенный плач. Обернувшись, он увидел Секину. Она сидела на полу, прислонившись к кровати, и тело ее судорожно вздрагивало.

Он приказал ей успокоиться и отправляться спать. Но она не тронулась с места, тихо-хонько ответив, что останется на ночь здесь, у ног Набиля, — он может проснуться, позвать ее или попросить чего-нибудь.

Он оставил ее там, где она пожелала, а сам прошел к себе и прямо в одежде бросился на диван. Заснуть он не смог.

* * *

Прошло несколько недель.

Постепенно он начал приходить в себя, стал сознавать, что жена скончалась и ему надо примириться с этим.

Однажды он задал себе вопрос, над которым не пытался даже думать прежде. Как он теперь живет? В каком состоянии его домашние дела?

Прошел уже почти месяц, а жизнь идет по-прежнему, не останавливаясь ни на минуту. Сын жив-здоров, не голоден, не заброшен.

Секина, как умеет, смотрит за сыном, за домом, заставляет жизнь течь по обычному руслу.

Правда, он временно никуда не выезжал, и это позволило ему находиться возле сына. Но это не значит, что он сам занимался домашними делами и делал что-либо для мальчика. Это Секина готовила, стирала, убирала дом, кормила и забавляла Набиля, стелила ему постель, и малыш не чувствовал утраты. Все делала она молча и покорно, словно машина.

Странное дело. Он не предполагал найти в ней столько умения. Она всегда казалась ему очень глупой, ненаходчивой и нерасторопной. И несмотря на это, она трудится, не зная ни сна, ни покоя, как надежное, преданное животное. Она узнала его вкусы и привычки, и с ее лица почти исчезла печать тупости и бесполовости.

И все-таки он считал, что нельзя вечно полагаться на нее... Надо найти няню для Набиля. Было бы безумием вверять сына этой глупышке, как бы преданна и трудолюби-



ва она ни была. Не может же он уехать, бросив на нее одну весь дом!

Однако обстоятельства заставили его поступить именно так. На следующий день внезапно сообщили, что он должен срочно выехать по делу. У него не оказалось иного выхода, как отпрапляться, оставив ребенка с Секиной.

Он возвращался домой в нетерпеливой тревоге. Но все оказалось гораздо лучше, чем он думал. Комнаты были убраны, ребенок чист и весел.

Теперь, возвращаясь из поездки, он каждый раз находил, что обстановка в доме почти не отличается от уклада прошлых лет. Разница была только в одном: вместо прекрасного, благородного, лучащегося радостью существа его встречало теперь существо молчаливое, мрачное, с опущенной головой, в поношенной одежде. Уединившись в кухне, оно тупо и старательно трудилось над приготовлением пищи или стиркой.

В конце концов он твердо решил не брать какую-то няню и предоставить Секине самой вести дом. Она прекрасно справляется с хозяйством, да и мальчик к ней привязан.

Так все само собой и уладилось. Шли дни, и он мало-помалу успокаивался. Все больше он начинал верить в способности и честность Секины. Настолько, что передал в ее руки полностью все расходы по дому, чтобы она распоряжалась деньгами свободно, по своему усмотрению, без какого-либо отчета. В глубине души он был очень доволен ее работой. Не нравилось ему только одно: ее поношенная одежда, замкнутость и это вечно тупое выражение лица. Он надеялся, что время все исправит, что она сама поверит в свои силы, что новое положение в доме и его хорошее отношение к ней заставят ее следить за своей внешностью и одеждой. Но проходили дни, а она оставалась прежней — невзрачной, замкнутой, неопрятной.



Он перестал об этом вспоминать. Его несколько не интересовало, как она выглядит, пока однажды он не застал ее в тот момент, когда она, полуголая, сидя на полу, что-то стирала в корыте. На ней была лишь легкая изодранная рубашка, ноги открылись выше колен, обнажились упругие груди.

Секина застыдилась и, потупив голову, пыталась натянуть рубашку на колени, запахнуть ее на груди. Запинаясь, она объяснила, что стирает свое платье. Растерянный, он спросил:

— Почему же ты не надела другое платье? — и с изумлением услышал:

— У меня нет другого.

От такого ответа он пришел в ярость, за явив, что не настолько уж беден, чтобы она сэкономила за счет собственной одежды. Он даст ей достаточно денег, она может купить, что хочет! В душе он понимал, что сам виноват в случившемся — это он должен был заботиться о ней, покупать ей одежду. Эта маленькая дурочка никогда не решится пойти на рынок и купить себе что-нибудь на его деньги.

Результатом этого незначительного происшествия оказались два обстоятельства. Первое — он немедленно купил ей несколько платьев сразу. Второе — он вдруг неожиданно понял, что Секина, вопреки его воле, занимает его мысли, заставляет его думать о ней как о женщине.

Лежа в постели, он закрывает глаза, силясь усыпить свое воображение. Но ум его взволнован и бодрствует. Снова и снова встает перед глазами Секина, сидящая у корыта.

Удивительно! Разве мог он предполагать, что эта девушка обладает таким красивым телом, что жалкие, истрепанные лохмотья скрывают эту упругую, молодую грудь и полные, нежные, чистые ноги! Кровь горячо ударила ему в голову. В изорванной легкой рубашке, со стыдливо поникшей головой, она была намного привлекательнее, чем обнаженная королева красоты, которую он рассматривал в журнале.

Пытаясь перебороть себя, не поддаваясь соблазну, он взывал к аллаху, пророку, ангелам, к памяти своей усопшей супруги, вспоминал о своем положении человека почитаемого — обращался ко всем и всему, что приходило на ум. Но налитая, качавшаяся под изодранной рубашкой грудь и нежные, теплые ноги оказались губительной силой. Перед ними не устояло ничто. К ужасу своему, он обнаружил, что шагает, как лунатик, по направлению к постели Секины.

Секина не сопротивлялась. Для своего господина она всегда была верным, послушным животным, жертвующим собой ради него, отдающим все, что у него есть, чтобы выполнить долг перед хозяином горячо, искренне, от души. И в ту ночь Секина со всей верностью и чистотой исполнила свой долг.

Так он открыл, что Секина сможет облегчить его участь, оказывая ему, сверх других услуг, и такую, в которой он испытывал наибольшую потребность.

Ничто не изменилось в доме с тех пор, как к обязанностям Секины прибавилась еще одна, новая. Она оставалась такой же замкнутой, скрытной, разве только стала немного опрятнее и чище.

Он нашел в ней все то, чего желал. Его больше не мучила тревога за любимого сына. Ведь Секина была с ним нежнее, чем мать, и заботливее, чем отец. Она ни разу не попыталась использовать свое новое положение, чтобы поднять голову, стать в доме хозяйкой-повелительницей. Безропотная и послушная, она не желала ничего — только услужить господину и его сыну.

Брак с Секиной был бы невозможен, и это его успокаивало. Она всегда будет неизмеримо ниже его. Со своей стороны, он меньше всего думал о женитьбе. А она была довольна и, по-видимому, счастлива.

Несомненно, жизнь продолжала бы течь размеренно и монотонно, если бы вскоре одно обстоятельство не лишило его покоя. Секина забеременела. Он не находил себе места от бешенства. Это случилось, видимо, давно — он поздно заметил! — ведь живот вздулся довольно явственно, как бывает на четвертом или пятом месяце беременности.

Он сердито спросил, почему она с самого начала не сообщила ему об этом. Ему стало ясно, что эта дуреха не только не расстроена случившимся, а, наоборот, обрадована и горда. И он тревожно задумался.

Если Секина родит, он будет вынужден жениться на ней, и она займет место хозяйки в доме, мачехи его сына. Если бы даже он согласился взять на себя весь позор человека, женившегося на своей служанке, он все равно не мог бы пойти на это из-за сына. Ведь тогда она, безусловно, изменится. Она отдаст свою нежность новому ребенку, а его сын, как и все чужие дети у мачех, станет ее заклятым врагом. Не будет больше этой безропотной, послушной Секины. Нет, нет! Она должна как можно скорее освободиться от бремени. Надо сделать аборт, каковы бы ни были его последствия.

Он позвал ее в свою комнату и сказал повелительно:

— Одевайся, нам надо сходить к врачу.

Она не пошевелилась, не сделала ни одного движения, только опустила голову. Потом тихо промолвила:

— Я здорова, мой господин. Мне незачем идти к врачу.

— Он сделает тебе аборт.

Секина покачала головой. Было видно, что она не понимает значения его слов. Он повторил:

— Доктор избавит тебя от того, что у тебя внутри.

Ее лицо выразило изумление. Боязливо положив руку на живот, она спросила:

— Он избавит меня от него? Почему, господин мой?

— Не должно быть никаких следов того, что случилось между нами.

— Я спрячу его, когда он родится. Никому его не покажу.

— Я не хочу этого.

— А я хочу, мой господин.

— С каких это пор ты стала высказывать свои желания, дурочка?

— Это единственный раз, когда я хочу чего-то. Никогда потом ничего не попрошу. Я люблю вас, мой господин. Я хочу сохранить то, что во мне от вас. Я не буду беспокоить вас из-за него. Он будет сыном для одной меня, вам будет слугой, какой я была всегда. Никому не скажу, что это ваш ребенок. Скажу, что я подцепила его от прохожего. Подарите его мне. Это единственный подарок, о котором я вас молю. Я люблю его, как люблю вас и все, что с вами связано.

Он был поражен ее горячими, искренними словами. Как могла такая дура произнести подобные пламенные, волнующие слова! Они шли из глубины сердца. О горе! Он и не подозревал, что у этого глупого животного есть сердце, переполненное любовью к нему.

Однако... Было бы безумством распускаться перед ней. Он должен быть твердым — не ради себя самого, а ради сына.

Да, нельзя поддаваться чувствам. Надо быть человеком дела. Секина со своей ношей — тяжелое бремя. Без этой ноши она полезнее в тысячу раз.

Он взглянул на нее и опустил голову. Потом отрезал:

— Я не хочу его. Если ты действительно меня любишь, ты должна желать того же, что и я. Мы должны избавиться от него.

— Слушаю вас, мой господин.

Он знал, что аборт, особенно такой позд-

ний, — дело нелегкое, что трудно найти врача, который рискнул бы на это.

Доктор Сейид Ибрагим, кузен жены, — вот единственный врач, которому можно довериться, который ради него возьмется за эту операцию. Это смелый, благородный человек. Он должен войти в его положение и согласиться с тем, что операция неизбежна.

Секина шла рядом с ним, глядя в землю. Лицо ее было безжизненным и неподвижным.

Уже у дверей приемной, он взглянул на нее и ласково сказал:

— Ничего, Секина, все будет хорошо. Это простая операция. Я бы не настаивал на этом, если бы не сын. Только ради него... Я хочу, чтобы ты думала только о нем.

— Слушаю вас, мой господин.

Он вошел к врачу один, а она присела в коридоре.

Врач слушал молча, все больше удивляясь его рассказу. Наконец, качая головой, он проговорил: «Пять месяцев. Трудная операция».

— Знаю. Но надо сделать. Ради Набиля.

Доктор закончил операцию, и Секина притихла. Она избавилась от того, чего не желал ее господин, но дорогой ценой — ценой жизни. Помутневшим взором она обвела комнату. Ее глаза остановились на побледневшем лице врача, на губах показалось подобие насмешливой улыбки. Слабым, нетвердым голосом она произнесла:

— Доктор...

— Что тебе?

— Кончилась операция?

— Да.

— Избавилась ли я от того, что было во мне?

— Да.

— Ох! Если бы он знал...

— Что он должен знать?

— Если бы он знал, что я избавилась от его сына... ради сына другого человека.

— Замолчи, тебе нельзя разговаривать, пока не отдохнешь.

— Я отдохну очень скоро, распрощаюсь со всеми навсегда. Представьте, доктор, он избавился от своего сына ради... вашего. Он попросил вас убить своего сына для благополучия вашего сына. Представьте себе!

— Помолчи. Перестань бредить.

— Я не брежу. Вы лучше меня знаете правду. Только я одна знала про вас и про его жену. Вы прекрасно знаете, что Набиль родился у нее от вас. Я просила оставить мне его настоящего сына, которого я носила в себе. Это было его дитя, потому что я-то не лгала и не изменяла ему. Но он отверг просьбу, ведь я — Секина, глупая, безропотная, послушная служанка.

— Хватит бредить, сумасшедшая!

Дверь тихо отворилась, вошел он, весь бледный, с лицом, застывшим от страха, и спросил дрожащим голосом:

— Что с ней?

Врач ответил:

— Ничего, она бредит.

Секина подняла глаза на своего господина, протянула руку, потом, найдя его ладонь, приложила ее к своим неподвижным губам и закрыла глаза.

После этого она не промолвила ни слова.

Перевел с арабского Г. Шарбатов

Ас-Саиди аль-Гариби

(ТУНИС)

ГИМН БОРЦОВ

Ас-Саиди аль-Гариби — современный тунисский поэт, активный участник освободительного движения в Тунисе. Публикуемое стихотворение — песня борцов за независимость тунисского народа.

Играйте, ветры,
тучею свинцовой!
Прокатывайся в небе,
гром!
Мы — армия рабов.
Мы сбросили оковы.
Мы на борьбу идем!
Мы долго опьянялись
несбыточными снами
и запивали горе
соленой влагой глаз,

и проплывало время
бесплодное над нами —
за веком век,
за годом год,
за часом час.
Но мы проснулись,
братья,
мы выпрямились гордо.
Гремит дорога жизни —
прекрасна и грозна.
Из деревень родимых

мы выступили в горы.
Нам бурю обещает
тревожная весна.
Играйте, ветры,
тучею свинцовой!
Прокатывайся в небе,
гром!
Мы — армия рабов,
Мы сбросили оковы.
Мы на борьбу идем!
Перевел Михаил Курганцев